

УДК 17.177

ЦИФРОВОЙ КОНТУР ТАЙНЫ

Г.В. Комаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.076

Экспансия цифровизации актуализирует проблему постижения тайны. Статья посвящена философской концептуализации цифровизации как объектного содержания тайны, осмыслению последствий цифрового принуждения в развитии и образовании человека.

Ключевые слова: тайна, субъект тайны, объект тайны, цифровизация, последствия цифрового образования.

Тайна остается не вскрытым (в патоанатомическом смысле) и непостижимым феноменом антропологического и социокультурного бытия. Она проблематизируется в научно-философском дискурсе всякий раз, когда обнаруживается неразрешимая или трудноразрешимая проблема. Концептуализация тайны опосредована различением ее субъекта и ее содержательным объектом. Сегодня цифровизация с провоцирующей ее масштабное наступление общечеловеческой проблемой – COVID-19 – видится актуальным содержательным наполнением тайны.

Тайна – культурная универсалия, когда под универсалией понимают: «общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности, символически отраженные в эйдетической памяти, образно-мировоззренческих конструкциях, этимологических ценностях языка, “имажах” искусства и словестности» [10, с. 246]. Генезис тайны связан с архаическим универсализмом загадки, когда весь мир видится как некая заданность и неявное. Тайна – феномен человеческого сознания, она экспрессивно обнаруживает себя, когда рождаются новые философские концепции сознания и модельные разработки по конституированию человека [5; 6; 8; 9; 18; 19]. Тайна – это экзистенциал, феномен человеческого существования. Она рефлексивируется, сравнивается и сопоставляется всякий раз, когда происходит трансформация способов человеческого существования. Сегодня – это тотальная цифровизация, понимаемая как подмена традиционных способов человеческого бытия, как абсолютизация количественной данности человеческого бытия.

В феномене «тайна» заключено множество разных смысловых оттенков, которые не могут быть предметом изучения одной из существующих областей знания. Философский познавательный горизонт, включающий метафизическое, онтологическое, гносеологическое, аксиологическое, праксеологическое, экзистенциальное измерения объекта изучения, до сих пор не может определиться с единой концептуализацией тай-

ны. Онтологическое измерение тайны представлено следующими коннотациями: «тайна – собственность на эзотерическую информацию. В архаической форме тайна является наследным достоянием – сословным (жрец, шаман) или социально-ролевым (вождь, политический лидер, резидент)... Тайна обеспечивает функционирование властных структур («властный взгляд» героя пушкинского «Анчара») раскрывает тайну лидерства одного и послушания другого), механизмов обмана и самообмана, бытовой и политической авантюры, прикровенных микросоциумов (ордена, ложи, союзы). В социально-бытовом смысле тайна есть основа частной жизни, семьи и большинства форм диалогического общения (тайна здесь состоит не в факте обладания уникальной информацией, а в условиях обмена между конфидентами)» [10, с. 222].

Термин «тайна» связывается с сакрализацией бытия, феноменов реальности, со священно-сакральным отношением к бытию против профанной реальности. Через социальную идентификацию как «...знание индивида о том, что он принадлежит к некоторым социальным группам вместе с некоторой эмоционально и ценностно значимой для него групповой принадлежностью» [24, р. 21], возникает стремление укорениться в бытии путем самоотжествления с некой группой «своих» и противопоставления ее множеству «чужих». Отправной точкой идентификации выступает сакрализация явлений, связанных с собственной общностью. Онтологическая интенция к священно-сакральному влечет желание человека жить в сакральном [23]. Сакрализация тайны инициировала разделение на внебытовое знание как элитарное знание и профанное знание. Сегодня полагается, что сакральное тайнотворчество не исключает наличия профанных тайн, которые коренятся, как справедливо полагает В.М. Найдыш, в тех же экзистенциальных основаниях как и сакральные, а именно в зависимости субъекта от объекта тайны и в волевой нацеленности субъекта на преодоление такой зависимости в раскрытии тайны. Разрабатывая мотивационную модель тайнотворчества он повествует: «Профанное тайнотворчество ориентировано на конструирование объективно-обусловленного смыслообраза объекта тайны. Такой смыслообраз опирается не на субъективное воображение, а на знание, то есть обобщенные элементы сознания... При этом здесь нередко объект тайны дан в чувственном восприятии субъекта, и потому интерпретация его смыслообраза не представляет затруднений и осуществляется обыденным сознанием. А для объектов, которые не даны непосредственному чувственному восприятию, вполне достаточно процедур опытного (экспериментального и наблюдательного) и логико-ддуктивного обоснования их существования» [12, с. 37].

Конкретно-исторической природе познания И. Канта, диалектике «знания о незнании» тайна противостоит с ее агностическим порогом как то «Бог есть тайна», «Тайна Вселенной», «Человек есть тайна» и т. п. Это иллюстрируется Х.Л. Борхесом: «Судьба любого человека, как бы сложна и длинна она ни была, на деле заключается в одном-

единственном мгновении – в том мгновении, когда человек раз и навсегда узнает, кто он» [2, с. 144].

Гносеологический искус раскрытия природы и сущности тайны состоит в том, что загадочность мира провоцирует его непредсказуемость, новизну, остаток неявного знания. Сие ярко выражено в Евангелии от Луки (Лк. 8, 16, 17): «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным»; народной мудростью: «Все тайное становится явным»; древнеримской пословицей: «Даже тонкий стебелек отбрасывает след». Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой предоставляет нам такой вариант когнитивного постижения тайны: «нечто неразгаданное, еще не познанное. 1. Тайна Вселенной. 2. Нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет. Хранить тайну. Держать в тайне. Сердечные тайны. 3. Скрытая причина чего-нибудь. Тайна успеха. В чем тайна ее обаяния?» [13, с. 533]. Философская концептуализация тайны связывается с различием механизма объяснения и понимания в конституировании тайны, тайна – все, что недоступно человеческому разуму. Г. Марсель устанавливает различие между проблемой и тайной. В «Метафизическом дневнике» он записывает: «Проблема – это то, с чем мы сталкиваемся, что преграждает нам путь. Она вся передо мной. Напротив, тайна есть нечто, во что я вовлечен, сущность ее в том и состоит, чтобы не быть всецело передо мной. Это, как если бы в этой зоне потеряло свое значение различие между “во мне” и “передо мной»» [11, с. 66]. Данное распознавание тайны указывает на рациональный и иррациональный способы познания тайны, их различия.

Еще одна гносеологическая попытка дефинирования тайны представлена опирающейся на принцип деятельности мотивационной моделью тайнотворчества В.М. Найдыша: «Тайна может быть определена: “как девиант”, “неразвившаяся цель”, “превращенная форма” на поле мотивационных состояний сознания, вариативное отклонение от магистрального пути мотивации. Тайна – это мотивационное состояние, которое характеризуется, с одной стороны, неопределенностью смыслообраза будущего результата деятельности, а с другой стороны, сформировавшимися его экзистенциальными основаниями, то есть ощущением зависимости от объекта, результата деятельности, наличием волевой решимости к деятельности, убежденности в ее эффективности» [12, с. 39]. Мы полагаем, данная модель тайны имеет объяснительный потенциал по вскрытию субъектных особенностей или носителя тайны и не рассматривает конкретное объектное содержание тайны.

Тайна как феномен гносеологического порядка конституируется конкретным субъектом и объектом как конкретным ее содержанием. Для субъекта содержательный аспект тайны несет ценностно-смысловое значение. Содержание коррелирует с ожиданиями и желаниями субъекта, его мотивами, надеждами, идеалами. Оно проявляет существенную связь с наличными духовными и социокультурными условиями его ко-

гнитивной активности и жизнедеятельности. Объект или конкретное содержание может иметь примитивную прагматическую ценность или иметь высокий ценностный статус для субъекта, определять его основные смысложизненные проекции.

Таким актуальным для исследовательского внимания содержанием тайны сегодня видится цифровизация. Цифровизация – это беспредельное внедрение современных цифровых технологий (искусственный интеллект, роботизация, чипизация, вакцинация и т. д.) в природу и сущность «человеческого в человеке», в его культурные коды, и тогда она рассматривается в своих деструктивных последствиях для человеческого конституирования. В призме различения Г. Марселем проблемы и тайны как процессов объяснения и понимания, тайны как возможного, но не рационального знания, цифровизация видится уже не проблемой, а тайной, т. е. ее охраняемым объектом, скрываемым содержанием. Приведем аргументы.

Субъектом тайны цифровизации выступает власть такой страты, как цифровой класс. Власть – это возможность навязывания своей воли другим, а также подчинение воли другого. Власть, по поводу которой иронизируют многие исследователи, это не то, что ты можешь дать, власть – это то, что ты можешь отнять.

Вменяемые (ответственные по П. Рикеру), способные отдавать себе отчет в своих действиях в качестве истинных авторов исследователи не сомневаются, что цифровизация – попытка захватить законную власть (до настоящего времени это промышленный и финансово-банковский капитал, чиновничья аристократия), установить новый мировой порядок [17]. Носитель такой власти – цифровой класс. Он оторвался от банковской системы, чтобы стать независимым и доминантным. Цифровой класс – та третья сила, которая создала конфликт традиционных символов власти и сегодня использует тотальную цифровизацию для ковидной проблемы, чтобы тотально контролировать и управлять большими массами населения. Речь идет в том числе о запрограммированности показателей смертности для этнического населения, о евгенике. Сошлемся также на недавно изданную на русском языке книгу Н. Срничека «Капитализм платформ», где показывается, как цифровая экономика с помощью нарождающихся технологий (платформы, большие данные, аддитивное производство, робототехника, машинное обучение и интернет вещей) становится моделью гегемонии над обществом [20].

Нарождается цифровой класс (Б. Гейтс и др.), противостоящий остальному населению, которое попадает в цифровое рабство. Такой новый мир опасен для человека, экзистенциально опасен, поскольку разрушаются валидные, апробированные культурными кодами ценностно-смысловые структуры сознания. Размытые смыслы приводят к потере смысла, когда человек теряет ориентации в жизни. Растерянному человеку, или Номо Confusus (Т. Черниговская), мир становится непо-

нятным, нереальным. Отсутствие смысловых ориентаций убивает человеческое достоинство. Искусственное, цифровое убивает живое, технологическая идея убивает гуманитарную идею. Для цифрового переворота против структур социального государства цифровая власть выбрала искусственный интеллект (ИИ), а именно спекуляции на нем, на том, что искусственный интеллект может заменить естественный интеллект.

Потребность в чуде, в тайне постоянно живет в человеке. Вера в чудо искусственного интеллекта, которая инициирует потребность в тайне, а также в абсолютизацию технологии цифровизации наталкивается на следующие аргументы. В действительности искусственный интеллект есть не что иное как имитационный интеллект, «сюжет» которого в 2016 г. взорвала так называемая цифровая экономика. ИИ – это процесс обучения или программирования машины с тремя этапами: 1) экспертное знание, которое формализовано, пример программ игр в шашки и шахматы; 2) машинное обучение, когда компьютер самостоятельно вырабатывает правила, например, задача обнаружения «спама»; 3) глубокие нейронные сети, работающие по методологии «дано–найти–критерии». Поскольку чудес на свете не бывает, а есть лишь тайна непознанного или необъяснимого, то только человек с его естественным интеллектом и сознанием «креативит» или составляет обучающую выборку, моделирует по составленной выборке, задает алгоритм, который составляет параметры по выборке, конструирует компьютеры. И главное – систему безопасности выстраивает человек, так как в любой технической системе возможны сбои. Получается, что искусственный (имитационный) интеллект есть не что иное, как автоматизация принятых человеком решений.

Сегодня цифровизация – вызов человеческому сообществу. При всей прагматичности, утилитарности цифровизации в обеспечении комфортности повседневных человеческих практик, она порождает множество рисков для существования человека. Человека хотят заменить программным обеспечением. Цифра звучит как то, что имеет сакральное значение. Напомним, что в древнегреческой философии число считали автономной, свободной сакрально-магической субстанцией, которая умножает мудрость. Пифагорейский цифро-числовой ряд (Пифагор, Кратил, Ксенократ, Спевсипп и др.) был принят всеми философскими школами. Гераклит объяснял всемогущество числа через Логос. Логос обусловлен числом. Платон разделял пифагорейское числовое миропонимание. Для него все вещи, мир, люди, идеи есть только самодвижущиеся числа. Он сформулировал теорию идеальных чисел и математическим способом размышлял, поскольку математика, как пишет комментатор П. в. Альбин: «...изоощряет мысль, оттачивает душу и позволяет достичь точности в исследовании бытия. Часть математики, посвященная числам, заставляет подходить к сущему не со стороны его случайных особенностей, но отучает нас от приблизительности, неопределенности и недостоверности чувственно воспринимаемого, помогает познать сущность» [16,

с. 445]. Число как полезное техническое средство предназначалось для использования в повседневной жизни. Ему стали приписывать признаки субъектности. В наши дни абсолютизация понятий «цифра» привела к подмене «понятий». Число (цифра) как одна из модальностей, средств человеческого бытия стала целью и самоцелью, а сам человек с его качественными эволюционными атрибутивными характеристиками превращается в средства обслуживания и умножения количественной сути самого числа. Это объясняет Н.Б. Шулевский: «...фундаментальное изменение (извращение) телеологии числа: числа и цифры из средств стали субстанциальной самоцелью, определяя формы и способы жизнедеятельности людей, подменяя свои услуги усилением контроля и управляемости их поведением, сознанием, делами, смыслами, ограничивая до минимума их творчество. Число вырвалось из-под контроля человека и бытия, начав скрыто в режиме заговора созидать свою цифроимперию, используя в качестве средств экономику, науку и технику» [22, с. 23].

Академик Ю.М. Осипов объясняет, что в оцифрованной среде человек эволюционирует в оцифрованного постчеловека, а человеческое сознание суживается, унифицируется, технологизируется. Цифра заменяет смысловые значения: «Цифра – знак (обозначение) количества. За цифрой как таковой нет и не может быть никакого качества. Какое-такое качество отражает та же математика, эта царица-де всех наук? Никакого! А потому не царица она вовсе, а... служанка, потребная как раз там, где сидят, спуют и звенят количества. Царицей качественного, а следственно, и словесного, и смыслового знания является не математика, а философия, но... ее вокруг все меньше, а та, что осталась – более всего уже прячется в себе самой, бытуя для самой себя, а вовсе не для человека с его все-еще-человеческим сознанием» [14, с. 11]. Минимизировать риски тотальной цифровизации возможно путем гуманитарной метафизики с заботой о человеке и его будущем, с помощью гуманитарной экспертизы над продуктами цифровых технологий, считает Ю.М. Осипов [15, с. 23]. О цифровом фетишизме, о цифре, упрощающей реальность в большинстве сфер общественной жизни, о снижении качественных оценок при проведении экспертиз заявляют разные ученые.

Цифровизация – эволюционно пагубное явление, так как речь идет о ликвидации культурного наследия как такового. Культурное наследие, историческая память и историческая идентификация создаются одухотворенным человеком. Цифровизация – это ликвидация в человеке духовного начала. Можно ли отказаться от творческого наследия поэта М. Волошина, который писал о России:

«Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленную верой,
Твои запеклись уста.
Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,

Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое» [4, с. 201].

Последствия абсолютизации цифровизации – оболванивание и дебилизация населения, в первую очередь через всю систему образования. Ведь цифровизация образования есть один из результатов развития цифровой экономики, где цифровые услуги заменяют субъекта цифровизации. Элиминация субъекта как активного актора реальных экономических отношений влечет отчужденные формы существования человека. Дистанционное обучение в период так называемой пандемии – наглядный пример такого отчуждения. Речь идет о формализации и даже профанации образовательного процесса. Но главный вызов – это проблемы экзистенциальной безопасности и антропологической сущности образования [1; 3]. В последние месяцы Китай реформой об образовании нашел один из путей возврата к такой безопасности.

Следующий аргумент. Так, если мозг развивать по модели программного обеспечения, то формируется клиповое сознание. Клиповое сознание есть результат вторжения во внутренний мир человека профанной действительности, в силу чего его сознание утрачивает целостность и фрагментируется, превращается в «лоскутное одеяло» [7]. И управлять таким мозгом можно программным алгоритмом. Пишут такие программы часто люди с измененным состоянием сознания. Это люди с неким духовным повреждением, с дефицитом психического здоровья. Сравним их с идеологией трансгуманизма. Трансгуманисты продолжают поддерживать идею человеческого бессмертия и совершенствования человека. Сегодня в трансгуманистических проектах сквозной является задача обожествления человека. Технологически трансгуманистический проект цифрового бессмертия – это перенос живого начала, сознания на иной, неживой носитель, что предстает как попытка упразднить физичность, материальность человеческого начала. Тем самым порождается множество рисков и проблем, включая правовые и этические. Известный футуролог Ф. Фукуяма критически относится к вмешательству с помощью геной инженерии в генетические программы и человека и животных: «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [21, с. 218].

К сожалению, сегодня идеи трансгуманизма поддерживает правительство России, которое в основе национального образования видит «Форсайт- проект: Образование–2030». При таком сценарии образование как таковое, традиционное, человеческое, живое ликвидируется. Вместо него внедряется электронное образование, как то: компьютерные программы, электронная доска, электронные задания. Продуктами такой цифровизации становятся суррогаты жизни, образования, культу-

ры. Такая цифровизация обезличивает, обезличивает, дебилизирует человека. Цифровая среда приводит к потере ментального и психического здоровья, утверждают многочисленные эксперты из разных областей знания. Сегодня наблюдается безудержная цифровизация образования. Так, высшая школа, несмотря на ее главную миссию – формирование личности человека, в последние годы ориентирована на подготовку специалистов, «заточенных» под производство, «прокаченных» знаниями и навыками в соответствии с профессиональными стандартами. Речь идет о программировании молодежи, человеческого ресурса, что не влечет формирование их самостоятельности, ответственности, инновационной и проектной деятельности. Ковидная эпидемия ускорила переход на онлайн-обучение, что инициировало процесс цифровой трансформации всех деяний в системе образования в целом.

Сегодня тайной как возможным знанием или метапроблемой (по Г. Марселю) остается цифровизация, поэтому важно осознать пути противостояния экспансии цифровизации. Среди них – не отдавать свою свободу виртуальному миру, цифре, а заниматься самоуправлением своей судьбы. Почему? Потому что цифровой суверенитет можно рассматривать как попытку управлять судьбой человека. Иначе говоря, цифра стремится стать богом и предопределять жизнь человека. Вспомним, что в исторических трактовках судьба – это предопределенность жизни либо богом, либо человеком. Известно, что искусственный интеллект базируется на двух западных цифровых платформах (Google и Facebook), откуда в России происходят массовые программные заимствования по западным лекалам. Эти платформы превращают нас в свои колонии, потому что большинство алгоритмов искусственного интеллекта – это черный ящик, это нейронные сети, обучение по которым предстает как набор фильтров и матриц коэффициентов. Как возникает такой набор, никто не знает. Отсюда бесконечная возможность для манипуляций.

Список литературы

1. Баева Л.В. Социальные аспекты цифровизации образования в условиях пандемии: философский анализ // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20, № 1. С. 5–14.
2. Борхес Х.Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1989. 320 с.
3. Брызгалина Е.А. Искусственный интеллект в образовании, анализ целей внедрения // *Человек*. 2021. Т. 32, № 2. С. 9–29.
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 488 с.
5. Волошин М.А. Избранное. Симферополь: ООО «Амазонка», 2020. 445 с.
6. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: Проспект, 2021. 256 с.
7. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 534 с.
8. Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
9. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 208 с.
10. Исупов К.Г. Космос русского самосознания: Словарь. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2020. 400 с.

11. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.
12. Найдыш В.М. Экзистенциальные основания тайнотворчества // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 31–40.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд. испр. М.: «Мир и образование», 2012. 1376 с.
14. Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 9–13.
15. Осипов Ю.М. Большая игра – российский миттельшпиль – «русская рулетка» // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 21–25.
16. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
17. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Изд-во «МЕДИУМ», 1995. 411 с.
18. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии: монография. М.: Проспект, 2021. 176 с.
19. Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
20. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и научн. ред. М. Добряковой. 2-е изд. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
21. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
22. Шулевский Н.Б. Заговор числа и судьба цивилизации // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 23–35.
23. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.
24. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Worchel S., Austin W.G. (eds.). Psychology of Intergroup Relations. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

DIGITAL CONTOR OF THE MYSTERY

G.V. Komarov

Tver State Technical University, Tver

The expansion of digitalization actualizes the problem of comprehending the secret. The article is devoted to the philosophical conceptualization of digitalization as the object content of the secret, understanding the consequences of digital compulsion in the development and education of a person.

Keywords: *mystery, subject of mystery, subject of mystery, digitalization, consequences of digital education.*

Об авторе:

КОМАРОВ Георгий Владимирович – аспирант кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

KOMAROV Georgy Vladimirovich – PhD student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru